

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
АМЕРИКИ**

Морской спецназ

Сергей Зверев

Последний день Америки

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

Последний день Америки / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2014 — (Морской спецназ)

Тридцать лет назад в обстановке строжайшей секретности советскими подводниками было установлено шесть ядерных зарядов у берегов Соединенных Штатов Америки. Боезаряды планировалось привести в действие в случае, если отношения двух сверхдержав окончательно испортятся и холодная война перерастет в ядерную. Прошли годы. Отношения с Америкой лучше не стали, тем не менее главком ВМФ получил распоряжение из Кремля обезвредить адские машины. Задание поручили капитану первого ранга Евгению Черенкову. На сверхмалой субмарине он достигает берегов Северной Америки, обезвреживает пять зарядов, а когда приступает к шестому, случается страшное – включается таймер обратного отсчета...

Содержание

Часть первая. Операция «Цунами»	5
Вступление	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Последний день Америки

Часть первая. Операция «Цунами»

Вступление

Атлантический океан, залив Мэн; борт крейсерской атомной подводной лодки «Барракуда». Сентябрь 1984 года

На борту современного подводного атомохода было непривычно тихо. Перед входом в акваторию залива Мэн командир лично прошел по отсекам и боевым постам, напоминая личному составу о необходимости соблюдать полную тишину. Вдоль всего побережья Соединенных Штатов располагались береговые гидроакустические станции с очень чувствительными гидрофонами, и данная мера не была лишней. Офицеры и мичманы перемещались по лодке, надев специальную обувь на войлочной подошве; меж собой общались шепотом; переборочными люками не грохали; мощность корабельной трансляции настроили на минимум.

Сняв левую ладонь со штурвала, боцман быстро вытер рукавом рубы вспотевший лоб. Он восседал на «разножке» перед рядами круглых шкал глубиномеров, дифферентомеров, аксиомеров.

- Штурман, сколько под нами? – послышался напряженный голос командира.
- Пятьдесят метров, – доложил тот.
- Боцман, глубина двести.
- Понял, командир, глубина двести.

Плавно потянув штурвал на себя, боцман изменил дифферент корабля...

На ярко освещенном Центральном посту – сосредоточии органов управления жизненно важных систем субмарины – подводники несли вахту. Командир корабля восседал в кресле, за глаза именуемом «троном». В «конторке» за пультом громкой межотсечной связи сидел вахтенный офицер. На «сейфе живучести» обретался вахтенный механик. Боцман крутил «баранку», а штурман, как всегда, нависал в выгородке над прокладочным столом, подсвеченным выдвигной лампой.

Пока на ЦП было спокойно: мерно жужжал репитер гирокомпаса, изредка проходили доклады из отсеков, лодка приближалась самым малым ходом к назначенной точке...

- Заняли двести метров, – доложил боцман.
- Так держать.

Спустя пять минут штурман оторвался от карты.

- Подходим.
- Сколько осталось?
- Три кабельтовых.

Развернувшись, командир заглянул через его плечо в карту.

– Вот наше место, – подсказал штурман, обведя карандашом точку на проложенном маршруте. – Шестьдесят миль до Бостона и пятьдесят пять до Портленда.

- Хорошо. Механик, приготовиться.
- Есть приготовиться.
- Вахтенный, что у акустиков?

Связавшись с постом акустиков, вахтенный офицер доложил:

- Посторонних шумов не слышно.

– Носовому отсеку готовность номер один, – проговорил командир в микрофон трансляции.

– Есть готовность номер один, – отозвался динамик голосом командира БЧ-3.

Командир экипажа посмотрел на часы. До сброса последней торпеды оставалось не более десяти минут...

Москва; Кремль. Январь 1984 года

За полгода до старта сверхсекретной операции «Цунами» в Кремль был вызван первый заместитель главнокомандующего ВМФ адмирал флота Чернов. В кремлевском кабинете его ждали трое: Председатель Комитета государственной безопасности генерал армии Чебриков, министр обороны Маршал Советского Союза Устинов и один из членов Политбюро, курировавших вопросы обороны и безопасности.

– Догадываетесь, почему мы вызвали именно вас? – глянул на адмирала Устинов.

– Нет, – честно ответил тот.

– Главнокомандующий ВМФ Сергей Георгиевич Горшков скоро покидает свой пост и переходит в Группу Генеральных инспекторов Министерства обороны. Обязанности Главнокомандующего будете исполнять вы, Владимир Николаевич. Вам ясно?

– Так точно, товарищ маршал.

– Вот поэтому вы и приглашены в этот кабинет. Присаживайтесь. Разговор предстоит долгий...

Спустя пять часов Чернов возвращался в Главкомат. Сидя на заднем сиденье служебной «Чайки», он глядел в окно и в который раз мысленно прокручивал разговор в кремлевском кабинете.

Чувство радости и гордости, переполнявшее душу после слов Устинова о назначении на должность Главнокомандующего ВМФ, по мере дальнейшей беседы постепенно сменялось чувством озабоченности. Три облеченных властью собеседника поставили перед ним такую задачу, от которой замирало сердце. И чем ближе он подъезжал к Главкомату, тем сумрачнее становилось на душе, ведь теперь все наиважнейшие вопросы предстояло решать самому. Без подсказок сверху, без помощи и советов многоопытного Сергея Георгиевича Горшкова. Впрочем, советоваться с кем-либо по организации предстоящей операции под кодовым названием «Цунами» Чернову строго запретили.

Подрулив к парадному подъезду, «Чайка» плавно остановилась у гранитных ступеней крыльца. Поджидавший дежурный открыл дверцу, козырнул и шагнул в сторону. Поднявшись в свой кабинет, Чернов попросил адъютанта принести справочник атомных подводных лодок, состоящих на вооружении в ВМФ СССР. Когда журнал с цветными вклейками лег на зеленое сукно стола, он приказал не беспокоить его в течение часа и принялся листать страницы, вчитываясь в цифры тактико-технических данных каждого проекта...

Атлантический океан, залив Мэн; борт крейсерской атомной подводной лодки «Барракуда». Сентябрь 1984 года

Не отрывая взгляда от приборов, тридцатилетний мичман плавно ворочал штурвалом, выдерживая заданные командиром параметры хода.

– Штурман, сколько под нами? – спрашивал капитан первого ранга с интервалом в две-три минуты.

Континентальный шельф плавно поднимался, глубина уменьшалась с каждым пройденным кабельтовым.

– Тридцать пять, – доложил штурман. – До заданной точки один кабельтов.

– Боцман, скорость?

- Менее узла. Падает.
- Механик, машине стоп. Дифферент – ноль.
- Есть стоп машине, дифферент – ноль...

Еле слышимый гул электродвигателя экономичного хода стих. Несколько минут субмарина шла по инерции, затем зависла в двадцати метрах от песчаного дна.

Штурман опустил острие карандаша в центр обозначенного на карте круга. И, распрямив спину, выдохнул:

– Мы над точкой. Саргассово море, залив Мэн, глубина точки сброса – двести пятнадцать метров.

– Все верно, – прошептал капитан первого ранга и отдал очередной приказ: – Боцман, держать глубину и направление.

- Есть держать...

В ЦП вошел старший помощник и негромко спросил командира:

- Мне проконтролировать сброс?
- Займи мое место. Пойду сам поставлю последнюю точку.

По пути в носовой отсек командир еще раз бросил взгляд на часы. До сброса торпеды оставалось две минуты.

- Торпедный аппарат к пуску заряда готов, – доложил командир БЧ-3.
- Все проверили?
- Так точно.
- Приготовились.

Капитан-лейтенант и два мичмана заняли штатные места. Капитан первого ранга замер, глядя на секундную стрелку часов...

Москва, Кремль. Февраль 1984 года

Чернов тщательно и долго выбирал подводный корабль для выполнения чрезвычайно ответственной и в высочайшей степени секретной миссии. Поначалу, перебрав все проекты стоящих на вооружении атомных подлодок, он пришел в замешательство – ни одна из них для участия в операции под кодовым названием «Цунами» не подходила. Причин было множество: излишняя шумность, недостаточная автономность, отсутствие торпедных аппаратов калибра 650 миллиметров или наличие на борту ракетных шахт, использование которых в операции не предполагалось...

Помог случай. Спустя неделю после визита в Кремль на стол новому Главнокомандующему легла для ознакомления папка с результатами первого этапа ходовых испытаний атомной подлодки нового «третьего» поколения.

- Проект 945 «Барракуда», – прочитал Чернов название материала и углубился в чтение.

А через полчаса в радостном возбуждении ходил вдоль приоткрытых окон и курил одну сигарету за другой. Подводный корабль для секретной операции был найден. Теперь оставалось дождаться окончания ходовых испытаний новой подлодки, убедить высокое начальство, набрать экипаж и приступить к подготовке...

Немногочисленные руководители партии и правительства, посвященные в суть задания, не торопили, и анализ тактико-технических данных основного претендента длился около месяца. На кону стояло многое, ибо любая ошибка, просчет или осечка могла привести к началу Третьей мировой войны. Не больше, но и не меньше.

По истечении месяца командующий ВМФ вновь прибыл в Кремль. В кабинете его поджидали все те же лица: министр обороны Устинов, председатель КГБ Чебриков и престарелый член Политбюро, ведавший вопросами обороны и безопасности.

- Каковы ваши успехи, адмирал? – спросил старик.

– Выбор сделан, – положил на стол папку с собранными документами Чернов. – Предлагаю послать к берегам Северной Америки крейсерскую атомную подводную лодку проекта 945, получившую шифр «Барракуда».

– Почему вы остановились на данном проекте? – поинтересовался пожилой партийный босс.

– Неделю назад закончились ходовые испытания головного корабля этого проекта. Здесь, – кивнул он на папку, – собран полный отчет. В двух словах могу сказать следующее: на сегодняшний день аналогов нашей «Барракуде» нет. Это один из самых современных подводных кораблей, представляющий так называемое «третье поколение». При его постройке применены самые новые технологии.

Член Политбюро мало смыслил в военном деле, однако старая партийная привычка руководить всем и вся заставляла предпринимать лишние действия.

– Новые технологии? – поправил он очки в тяжелой роговой оправе и требовательно посмотрел на адмирала. – Какие именно?

– Во-первых, корпус подводной лодки выполнен из титанового сплава, что позволило увеличить максимальную глубину погружения более чем в полтора раза по сравнению с подлодками «второго поколения». Во-вторых, применение титана уменьшило массу, снизило магнитные характеристики и увеличило полезную нагрузку. В-третьих, подлодка оснащена новейшими силовыми агрегатами и радиоэлектронным оборудованием. В-четвертых, передовая конструкция гребных винтов показала на прошедших ходовых испытаниях практически бесшумность при передвижениях данного корабля. И наконец, в-пятых, в носовом отсеке «Барракуды» шесть торпедных аппаратов, два из которых нужного нам калибра – шестьсот пятьдесят миллиметров.

– Титан, новейшее оборудование, торпедные аппараты и бесшумность... – на миг задумался партийный чиновник, – это хорошо. Особенно бесшумность. Если я не ошибаюсь, по всему побережью Соединенных Штатов размещены мощные гидроакустические станции?

– Так точно. Система под названием SOSUS.

– Расшифруйте, адмирал.

– Система подводной разведки и наблюдения – Sound Surveillance Undersea System. По данным нашей разведки, всего вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережий развернуто не менее двадцати двух береговых гидроакустических станций.

– Вы понимаете серьезность американского противодействия? – вмешался в разговор Устинов. – Уверены в том, что эта система не заметит «Барракуду»?

– Понимаю и уверен, – настаивал Чернов. – Если «Барракуда» движется самым малым ходом, ее невозможно услышать.

– Какова ее автономность?

– Сто суток.

– Можно ли ее увеличить?

– Да, запас кислорода имеется, есть опреснители морской воды. Если дополнительно разместить в отсеках провизию, то автономность увеличится процентов на тридцать-сорок.

– Сколько человек в экипаже? – прищурился Чебриков.

Председателя КГБ интересовала проблема, связанная с возможностью утечки информации об операции «Цунами».

– Шестьдесят один человек, из которых больше половины офицеры.

– А остальные?

– Мичманы.

– Получается, что матросов и старшин в экипаже нет?

– Ни одного.

– Почему?

- Современная техника и оборудование подлодки слишком сложны – за пару лет срочникам их не освоить.
- Так даже лучше, – кивнул председатель КГБ. И обернувшись к старику, сказал: – У меня больше вопросов нет.
- Пожалуй, и мне все ясно, – вторил ему маршал Устинов.
- Что ж, в таком случае подведем черту, – снял очки член Политбюро. – С формированием экипажа «Барракуды» вам поможет Виктор Михайлович Чебриков. Ну, а затем вы займетесь его подготовкой. Сколько времени понадобится, чтобы обучить экипаж?
- В обычных условиях обучение и тренировки занимают от пяти до шести месяцев.
- Это много. Операция «Цунами» должна стартовать в середине лета.
- Программу можно сократить. В исключительных случаях экипажи проходят ускоренную подготовку и укладываются в три месяца.
- Стало быть, решено. Список личного состава вам предоставят через неделю. Ваша задача, адмирал: лично контролировать ход обучения. Вопросы есть?
- Все ясно, товарищ член Политбюро. Кроме одного незначительного момента.
- Слушаю.
- У новой подлодки до сих пор нет названия. Как прикажете ее назвать?
- А чем вам не нравится «Барракуда»? – пожал плечами старик. – По-моему, нормальное название. Как вы считаете, товарищи?
- Маршал с генералом армии, соглашаясь, закивали:
- Вполне подходящее.
- Решено. Пусть остается «Барракудой»...

Атлантический океан, залив Мэн; борт крейсерской атомной подводной лодки «Барракуда». Сентябрь 1984 года

Заняв штатные места, капитан-лейтенант и два мичмана ждали команды. Командир, глядя на секундную стрелку часов, плавно поднял правую руку... Однако ровно за секунду до отмашки круглый переборочный люк приоткрылся.

- Товарищ командир, – шепотом позвал вахтенный офицер.
- Да, – обернулся тот.
- Акустик доложил о подозрительных шумах.
- Классифицировал?
- Так точно. Фрегат типа «Оливер Хазард Перри».
- Черт... Опять он. В каком секторе?
- В южном.

Известие не обрадовало. «Хвост» привязался с того момента, когда «Барракуда» прошла траверз Норфолка – главной базы Атлантического флота США. Видимо, одна из береговых гидроакустических станций системы SOSUS все-таки засекала шедшую малым ходом советскую подлодку. Случилось это десять дней назад. Определив слежку, командир приказал снизить ход до самого малого, предпринял несколько противокорабельных маневров, что позволило «Барракуде» оторваться. И вот опять знакомые шумы.

– Трехрогий якорь им в толстую кишку, – проворчал капитан первого ранга и посмотрел на часы.

Секундная стрелка миновала цифру «двенадцать» и сделала лишний оборот. Время шло...

«Пока мы неподвижно висим на глубине – нас не обнаружат. Начнем двигаться самым малым – получим хороший шанс смыться. А выстрел торпедного аппарата акустики с американца как пить дать засекут, – размышлял капитан первого ранга. – Да, обнаруживать себя страсть как не хочется. Но приказ есть приказ. Пять выстрелов уже сделано. Первый у полуост-

рова Флорида – в районе города Орландо. Второй на сто шестьдесят миль севернее – напротив города со странным названием Саванна. Третий – между Чарлстоном и Уилмингтоном. Четвертый – у Вирджинии-Бич и Портсмута. Пятый аккурат напротив залива Нью-Йорка. Остался шестой заряд калибра шестьсот пятьдесят миллиметров. Последний, должный остаться на равном удалении от городов Бостон и Портленд. Надо стрелять. Надо!...»

– Вахтенный, – обернулся он к офицеру.

– Да, товарищ командир.

– Сразу после выстрела самый малый вперед и разворот на курс сто десять. Глубина прежняя.

– Понял.

– Выполнять.

Круглая крышка люка закрылась.

– Ну что, торпедисты, готовы?

– Так точно.

– Пли!

Глава 1

Атлантический океан; борт подводной лодки сверхмалого класса «Барракуда». Настоящее время

Открываю глаза. Впечатления от неприятного сна расплываются, сознание медленно возвращается к действительности. Что сейчас на поверхности: день или ночь?.. Понятия не имею. На часы смотреть не хочется. Лень. Надо мной все тот же потолок из негорючего пластика густо-молочного цвета. Ряд одинаковых квадратных панелей, плотно примыкающих друг к другу. Швов почти не заметно, вместо них лишь тонкие росчерки теней, рождаемые сумрачным маревом дежурного освещения.

Нет, я еще не проснулся. Взгляд мутноват, мысли по инерции прокручивают последний эпизод из затяжного, отвратительного сна. Воспоминания о нем понемногу уходят, напряжение мышц и нервов ослабевает. Это плюс. А минус в том, что я опять возвращаюсь в реальность. И еще неизвестно, что лучше: изматывающее черной фантазией сновидение или моя настоящая жизнь.

М-мда... Настоящая жизнь. Она чертовски однообразна и ограничена двенадцатью квадратными метрами замкнутого пространства. Да, именно столько мне отвели для существования конструкторы из Санкт-Петербургского морского бюро машиностроения «Малахит».

Иногда у меня возникает стойкое ощущение того, что подводные лодки сверхмалого класса проектируют люди с нездоровой психикой. Мою «Барракуду» построили, взяв за основу проект 865, или знаменитую «Пиранию». Однако тот конструкторский замысел изначально предполагал решение совершенно иных задач. «Пирании» предназначались для ведения разведки, скрытной доставки к месту проведения операций подводных диверсантов или водолазных комплексов. Экипаж состоял из трех человек, дальность плавания под водой экономичным ходом – двести шестьдесят миль, автономность – всего десять суток.

Десять суток! Самый оптимальный срок добровольного заключения в титановом ящике, – с трудом принимаю сидячее положение. И заметив большой настенный календарь с зачеркнутыми числами, ухмыляюсь: – А я болтаюсь на глубине уже третий месяц. Третий месяц исполняю главную роль в одном и том же сериале про море...

Я все же бросаю взгляд на зеленоватые цифры, показывающие московское время. Делаю это машинально, ибо точно знаю, что просыпаюсь в пять утра плюс-минус десять минут. Надо встать, умыться, позавтракать и приступить к исполнению обязанностей: проверить показания приборов, исправность систем, изменить глубину и начать подзарядку аккумуляторных батарей.

Туалет и крохотный умывальник находятся в кормовом отсеке, отделенном от жилого толстой переборкой. Там всегда душно и воняет машинным маслом, к запаху которого мне пришлось привыкнуть. В конце концов, я не в каюте круизного лайнера, а на борту боевой субмарины. Ополоснув лицо и шею, смотрю в сторону лежащего на полочке бритвенного станка. На лице за время похода выросла приличная борода, которую я терплю только по одной причине: слабенький бортовой опреснитель вырабатывает в сутки всего десять литров воды. Бриться, используя морскую воду, – сущее наказание, а пресную приходится экономить для приготовления пищи, для кофе или чая, а также для принятия душа.

Почистив зубы, заканчиваю с утренним туалетом и возвращаюсь в основной отсек. Он служит мне и камбузом, и каютой, и рабочим местом. Я успел изучить каждый уголок этого помещения. Да что там уголок! Каждый квадратный сантиметр его внутренней обшивки. Закрыв глаза, я легко восстанавливаю в памяти все элементы основного отсека: встроенную мебель и плавные обводы потолка, переходящего в стены; шкафчики и рундуки, выключатели

и розетки, лампы и надписи, выполненные однообразным трафаретным шрифтом, приваренную к переборке по моей просьбе перекладину и стоящую в углу пудовую гирию...

В носовой части субмарины находится охлаждаемый приборный отсек, куда ведет крохотный люк рядом с правым бортом. Левее люка и ровно по центру переборки расположена приборная панель с прямоугольниками мониторов, со штурвалом, клавишами, тумблерами и рукоятками управления силовой установкой. Перед панелью высится мой «трон» – довольно удобное кресло анатомической формы.

Позади кресла к левому борту прилеплен шкаф, условно делящий отсек на две зоны: рабочую и жилую. В верхней части шкафа несколько полок с комплектами различного белья – от теплого шерстяного до легкого хлопчатобумажного. В средней части большое отделение для многослойного гидрокомбинезона, ребризера, маски, ласт, перчаток, ножа и двухсредного автомата с боеприпасами. Здесь же хранится и навигационно-поисковая панель. Хорошая штука, но о ней позже. В нижней части шкафа – полка для обуви.

За шкафом чуть ближе к корме стоит кровать, на которой я провожу по пятнадцать часов в сутки. Напротив кровати – камбуз, представляющий собой двухметровый ряд из шкафчиков и тумб. Ну, а в кормовой переборке зияют два одинаковых круглых люка. Правый – вход в туалет; левый – в холодильник с провиантом. К потолку подвешен раскладной алюминиевый трап. При необходимости один его край опускается, освобождая доступ к люку шлюза. И последнее, чем «украшен» потолок, – опускаемый перископ, ручки которого торчат в разные стороны от оптико-электронного блока.

Не считая мягкого голубоватого света от мониторов, два из которых не выключаются никогда, жилой отсек освещается слабой дежурной лампой, торчащей над кормовой переборкой. Вторая лампа дневного света расположена над кухонным рабочим столом. Третья имеется над изголовьем кровати, но ею я пользуюсь крайне редко. Во-первых, берегу электроэнергию, во-вторых, взятые в поход книги и журналы давно перечитаны от корки до корки.

Что у нас сегодня на завтрак? Вхожу в холодильник и поочередно открываю одну дверку, вторую, третью... Я предпочитаю завтраки, состоящие из чего-нибудь легкого – не могу по утрам набивать желудок. Порошковый омлет надоел до тошноты. Последний кусок сыра я доел на прошлой неделе. От сырокопченой колбасы воротит... Включаю плитку и ставлю варить кофе. А пока он готовится, достаю из фруктового отделения холодильника крупный апельсин и, устроившись в рабочем кресле, поедаю его прямо с кожурой...

* * *

Задумавшись, я забываю о кофе. Услышав шипение, вскакиваю и подхватываю с плитки маленькую турку. Отсек быстро наполняется запахом гари.

Чтоб тебя!.. – стою у камбуза и чешу затылок. Готовить заново желания нет. Придется пить переваренный. Плеснув напиток в чашку, добавляю сахар и сливки, размешиваю и снова усаживаюсь в кресло. Пора проверить работу систем миниатюрного корабля.

Начинаю с левого монитора... Все в порядке. Автопилот – надежный и незаменимый помощник – строго выдерживает заданные с вечера параметры. Глубина – семьдесят метров, скорость экономичного хода – два с половиной узла. Температура в «салоне лайнера» комфортная – плюс двадцать, влажность и давление в пределах нормы.

Теперь очередь за техническим состоянием вверенного мне корабля. При помощи обычной компьютерной мыши и клавиатуры управляю центральным бортовым компьютером, который на каждый запрос последовательно выводит на экран монитора подробный отчет. Перед глазами пробегают строчки с названием агрегатов и бесконечными цифрами. Первая группа аккумуляторных батарей. Напряжение, емкость, ток разряда, температура, загазованность

ямы... Вторая группа. Третья. Четвертая... Прогнав все цифры, компьютер выдает зеленым шрифтом вердикт: «Норма».

Перехожу к проверке остальных агрегатов. Основной электродвигатель. Обороты, ток статора и момент нагрузки, наличие вибрации, давление и температура масла. «Норма». Редуктор. Обороты, вибрация, давление и температура масла. «Норма». Гребной вал. Начинаю с первой подшипниковой опоры. Обороты, вибрация, параметры смазки. «Норма». Вторая опора. За ней управление: вертикальные и горизонтальные рули... Привычно фиксируя цвет шрифта, мозг не воспринимает смысла пробегающих по экрану символов в виде букв и цифр. Если завершающее тест слово зеленого цвета – значит, все в порядке.

Заканчиваю проверку винтомоторной группы запросом состояния резервного электродвигателя. Компьютер запускает тест: вначале подает ток, раскручивая ротор до номинальных оборотов; затем, дождавшись его остановки, на несколько секунд подключает муфту к валу. «Норма».

С механикой покончено. Настает черед навигации. Знакомлюсь с отчетом компьютера о пройденном за ночь пути. Электроника постоянно считывает данные с датчиков движения и производит вычисления. Итак, где мы? На экране появляются координаты точки, где в данный момент находится «Барракуда». Компьютеру можно верить. Погрешность его мощного процессора столь мизерна, что о ней проще забыть, чем забивать себе голову. Расправляю сложенную карту, нахожу линию маршрута и вчерашнюю отметку в виде небольшого кружочка. Вооружившись линейкой, определяю место и, начертив новый кружочек, вздыхаю: около семи-десяти миль. Увы, за прошедшие сутки субмарина прошла дистанцию всего в семьдесят миль. А точнее чуть меньше, так как ей приходится плыть против известного теплого течения.

Завершаю контроль оборудования тестом системы жизнеобеспечения. Это довольно нудная работа, в процессе которой поочередно тестируется каждый из воздушных баллонов, фильтры, клапаны, редукторы... На экране опять мелькают цифры... «Норма». Системы жизнеобеспечения в порядке. Все. На этом первый этап работы заканчивается. Пора приступать ко второму – более интересному.

«Барракуда» – электрическая подводная лодка. Электрическая в чистом виде. В ней нет шноркеля, забирающего с поверхности воздух для дизеля; нет запасов солянки. Нет и дизеля для подзарядки аккумуляторных батарей. При создании моей малютки использовалась новая и абсолютно передовая идея. Какая? Сейчас объясню.

Снаружи весь корпус субмарины, за исключением нижней части, боевой рубки и гребного винта, обшит гибкими панелями фотоэлектрических преобразователей многослойного типа, сочлененных в единый модуль. Проще говоря, солнечными батареями. Только не простыми, а самыми современными. Солнечные элементы с невероятной эффективностью в пятьдесят пять процентов для оснащения «Барракуды» изготовила одна из российских засекреченных лабораторий. Аналогов им в мире нет. Наибольших успехов в данной области добились специалисты из компании «Sharp», отстав от наших ученых на добрых одиннадцать процентов. Благодаря подобной эффективности фотоэлектрических преобразователей «Барракуде» не требуется целый день болтаться на поверхности. Достаточно после восхода солнца занять глубину в пять-шесть метров, и можно запускать процесс подзарядки. Почему именно «пять-шесть»? Здесь тоже все просто. Выше идти нельзя из-за выступающей над корпусом рубки. А если занять большую глубину, то снизится эффективность работы солнечных элементов. Поэтому для подзарядки и выбрана такая глубина. Над тем, чтобы моя подлодка была незаметной, ученые также изрядно поработали. Темные солнечные элементы не дают бликов, а малая скорость движения не создает на поверхности воды бурунов и возмущения. Так что ни с самолетов, ни со спутников-шпионов засечь ее невозможно.

Пора приподняться, – вздохнув, отключаю автопилот и кладу руки на штурвал.

Воздух системы высокого давления выдавливает из цистерн часть балласта, и субмарина послушно изменяет дифферент. Пройдет около десяти минут, я займу нужную глубину, проверю работу контроллера управления фотоэлектрическими системами и... опять начну изнывать от проклятой качки. Да-да, я опытный моряк с многолетним стажем и при этом ненавижу выходить в море на крохотных судах. Качка на больших кораблях переносится гораздо легче, к ней быстро привыкаешь. А «Барракуду» прилично болтает даже на глубине пяти-шести метров. Через несколько часов этого испытания мой желудок перестает нормально работать. Поэтому я предпочитаю по утрам не набивать его чем попало. Достаточно чашки кофе, одного яблока или апельсина.

Глубина – десять метров. Отдаю штурвал от себя, и дифферент подлодки меняется. На десяти метрах я обычно задерживаюсь для того, чтобы послушать океан. Мало ли кого носит по Атлантике? Тут и круизные лайнеры, и танкеры, и военные корабли, и сухогрузы, и рыбачки... Осадка у некоторых из них неслабая, так что глубина в пять-шесть метров, на которой предстоит идти «Барракуде» весь световой день, безопасности не гарантирует.

Включаю чувствительные гидрофоны. И водрузив на голову наушники, слушаю... Вокруг тишина. Точнее, градусов под сорок слева бухтит мощный дизель судна с внушительным дедвейтом. Что-то такое грузовое и огромное. Но, во-первых, бухтит далеко. Во-вторых, источник смещается на юго-восток. Стало быть, разойдемся, не побеспокоив друг друга.

Пора занимать оптимальную для зарядки глубину. Я снова кладу руки на штурвал...

Глубина пять с половиной метров. Подлодку бросает то в сторону, то вверх, то вниз. Проклятая Атлантика с ее извечными ветрами, – морщусь, вспоминая первые дни на борту «Барракуды» в открытом океане.

Да, это был настоящий аттракцион под названием «наблрой больше, чем съешь». Одно из самых незабываемых впечатлений. До последнего дня своей жизни не забуду ту первую неделю: с каким отвратительным чувством подходил по утрам к поверхности и с каким облегчением вечерами погружался в спокойную пучину...

Помню, как на второй день постоянной болтанки у меня напрочь отказал желудок, а на четвертый сместился в башке какой-то «винтик» – наверное, что-то случилось с внутренним ухом или с вестибулярным аппаратом. На самом деле ничего страшного, просто обуяли жуткие ощущения, от которых я чуть не сошел с ума. Представьте, что вас целый день катают на американских горках, потом вы вливаете в себя триста литров пива и полируете сверху бутылочкой «Абсолюта». Вы пытаетесь сфокусировать зрение на одном из предметов, но он постоянно уезжает влево. При попытке догнать его взглядом он начинает играть в «казаки-разбойники» и снова уезжает... Ни минуты без головокружения, ни шагу без фонтана блевотины. Если бы это происходило на суше и мне пришлось бы топтать к врачу, то по дороге меня раз пятнадцать задержали бы менты, обвинив в хроническом алкоголизме.

Всю первую неделю я тупо лежал на кровати и не мог ничего поделать. В тот непростой период привыкания организма к качке сверхмалой субмарины я даже забил на физическую подготовку и на прослушку океана. Мне было наплевать на то, что «Барракуда» могла столкнуться с большим судном; на то, что электронный мозг автопилота мог дать сбой и увести подлодку не в том направлении. Вечерами я кое-как доползал до «трона», отключал подзарядку и заставлял свой титановый гроб нырнуть на большую глубину. Лишь на семидесяти метрах наступала передышка. Не выздоровление, а всего лишь кратковременный перерыв в недельной пытке.

Облегчение наступило на восьмые сутки, когда я потерял в весе не менее десятка килограммов. Голова перестала кружиться, предметы оставались на местах, а желудок впервые возмутился вакуумом внутри себя. Я приготовил себе крепкого сладкого чая, но употреблять в тот день серьезную пищу поостерегся...

Вывожу на экран индикатор светочувствительности фотоэлектрических преобразователей. Света для подзарядки достаточно. Проверяю параметры электросистемы... Дождавшись зеленой «Нормы», произвожу необходимые манипуляции, запускаю подзарядку и откидываюсь на спинку кресла. Утренний марафон закончен и можно расслабиться. Самую малость и ненадолго, потому что днем я прослушиваю океан каждые тридцать-сорок минут. Увы, когда лодка идет слишком близко к поверхности, мне не до сна и отдыха. Проблема заключается в том, что судовые двигатели, собранные по современным технологиям, малощумны. Старые посудины бортовой акустической комплекс «Барракуды» улавливает на приличной дистанции, а вот с новыми приходится держать ухо востро. Иначе я рискую запоздать с маневром и быть раздавленным. Шанс угодить под форштевень танкера, американского авианосца или сухогруза – невелик. Но он есть.

В перерывах между прослушкой я могу поваляться на кровати, заняться готовкой обеда, помыться в душе или посмотреть какой-нибудь фильм. Но мне обязательно придется прервать любое из этих занятий и снова водрузить на голову наушники... Во время подзарядки скорость «Барракуды» можно увеличить до трех с половиной миль – поступающей энергии для этого вполне достаточно. Плавно увеличиваю рукояткой реостата обороты главного вала и слежу за ростом скорости. Отлично. Ровно три с половиной узла. Пора посмотреть хорошую киношку, – потягиваясь, выгибаю спину. Глубина, курс, скорость и другие показатели в норме. Имею полное право отлучиться...

Я давненько не смотрел художественных фильмов, коих взял в поход целую коллекцию из трехсот пятидесяти штук. Все они были записаны в отличном качестве на специальном накопителе огромного объема и рассортированы по жанрам: комедии, старые советские фильмы, триллеры, боевики, фантастика и прочее. Подключив накопитель к проигрывателю, я листаю меню в поисках чего-нибудь подходящего... И вдруг роняю от неожиданности пульт. «Барракуда» вместе со всем содержимым содрогается от ужасного звука.

Глава 2

Задолго до происходящих событий

Пора сказать несколько фраз о себе. Я – Евгений Арнольдович. Фамилию озвучивать необязательно, ибо с некоторых пор ее не существует. Почему именно так – чуть позже.

Я отнюдь не ариец, а славянин и коренной волжанин – родился и вырос в Саратове. За пару месяцев до того, как пришлось поселиться в титановом гробу, мне исполнилось тридцать шесть. Рост под два метра, вес – сто десять. Сутуловатый, крепкий, с широкими покатыми плечами. Вокруг зеленовато-карих глаз уже появились мелкие морщинки. В быту опрятен, с командирами вежлив, с коллегами и товарищами по работе выдержан, в бою решителен, к врагам Родины беспощаден. Связей, порочащих седеющие виски, не имел. Благодаря короткому, звучному имени на всех этапах своей жизни удачно избегал сомнительной чести отзываться на кличку. Так Женькой всегда и оставался: во дворе, в школе, в училище, в отряде...

Не прочь иногда похулиганить. На лице и теле ношу отметины от разного рода приключений, участия в боевых действиях и прочих веселых событий. К примеру, перебитая переносица – весьма красноречивый знак. Лицо же имеет цвет, должный символизировать серьезную квалификацию по части выпить-пошалить. Взгляд прицельный. В общем, безоглядно хамить не советую. Что еще сказать о себе? Бывший капитан первого ранга, бывший боевой пловец, бывший командир отряда специального назначения «Фрегат-22». Впрочем, нет – бывший я не везде и не во всем. Перед поселением в титановом гробу меня восстановили в штате одного из департаментов ФСБ, а также вернули звание «капраза». Остальное действительно в прошлом.

Итак, что же дальше? Чем же продолжить повествование об этой истории? С того момента, как меня вынудили демобилизоваться, из-за чего жизнь стремительно покатила под откос? Или, может быть, с того, как я начал беспросветно бухать? Или со дня случайной встречи с бывшим шефом – генералом Горчаковым? Нет, так я, пожалуй, упущу много важных деталей, без которых длинная история утратит ясность. Начну с далекого прошлого.

Что мне запомнилось из прошлой жизни? Фраза «я был пионером» для подрастающего поколения звучит примерно так же, как «во время Смуты я примкнул к Ярополку». Поэтому о пионерах не стоит.

Все детство я провел на Волге. Со здоровьем проблем не имел, учился нормально, верил в могущество Советского Союза, в справедливость и никого не боялся: ни бандитов, ни педофилов, ни врачей, ни сотрудников милиции. С третьего класса начал посещать бассейн, находившийся в трех кварталах от дома. С тренером – седовласым здоровяком Вениамином Васильевичем – сказочно повезло. Во-первых, он был отменным педагогом. Во-вторых, заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы по подводному плаванию. А в-третьих, однажды летом он взял с собой на берег Черного моря группу одаренных мальчишек. В их числе оказался и я. Там впервые к нашему простенькому снаряжению в виде маски, трубки и ласт добавилась диковинная штукавина – акваланг. Мы все были настолько поражены теми возможностями, которые даровал пловцу дыхательный аппарат, что буквально влюбились в это чудо. С тех пор морские глубины стали для меня мечтой и делом всей жизни.

Время шло. Легкое увлечение, навязанное мамой «для общего развития детского организма», незаметно превратилось в серьезные занятия спортом: я набирал мышечную массу, навыки и опыт, показывал неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки. И с каждой спортивной победой ковал свое будущее. К моменту окончания средней школы я набрал целую коллекцию грамот, кубков и медалей, большая часть которых имела золотистый оттенок. Где-то в череде спортивных мероприятий меня и заметили сотрудники спецслужб, приславшие вежливое приглашение в Управление КГБ в виде стандартной повесточки

с известным адресом. В короткой беседе пожилой дяденька в строгом штатском костюме внезапно предложил подать документы в Питерское высшее военно-морское училище.

Отличником я не был, поэтому робко спросил:

– Поступлю ли?

– Поступишь, – мелькнула на его лице загадочная улыбка.

– А к подводному плаванию служба в морском флоте будет иметь отношение?

– Только к ней и будет, – серьезно заверил он.

Не скрою, будучи мальчишкой, я часто мечтал стать офицером-подводником. Почему бы нет? Романтика, опасная служба, особая каста во флоте. Но все получилось немного по-другому.

Во флот я попал, отучившись сначала в Военно-морском училище имени Дзержинского, затем пару лет в секретной школе боевых пловцов. Это обычный путь любого офицера-подводника. Матросом же на подлодку можно попасть только через военкомат и учебный центр, где молодое пополнение проходит полугодовую подготовку. Каждой специальности на кораблях соответствует своя боевая часть: первая – штурманская, вторая – ракетная, третья – минно-торпедная, четвертая – радиотехническая и связи. Ну и, конечно же, пятая – электромеханическая.

Офицеры, мичманы, старшины и матросы, коим посчастливилось попасть в первые четыре БЧ, считаются «белыми воротничками». Они всегда ходят в чистой, опрятной и наглаженной форме. А парней из БЧ-5 называют «маслопупами», из-за того, что они вынуждены работать по колено в масле и воде. На них все трюмные механизмы: помпы, двигатели, лебедки, гидравлика...

После Военно-морского училища и учебных центров офицеров, мичманов и матросов распределяют по базам. Сейчас наши подлодки базируются на севере – в Западной Лице, Гаджиево и Видяево. И на Дальнем Востоке – в камчатском Вилючинске и Приморском поселке Тихоокеанский, именуемом в народе «Техасом». Черное море и Балтика – не в счет. Там остались только дизельные субмарины.

Мне после окончания секретной школы служить подводником не довелось – я сразу попал в отряд специального назначения «Фрегат-22». Но об этом немного позже.

Форму курсанта военно-морского училища я носил ровно два года: привыкал к дисциплине и строгому повседневному распорядку, постигал азы флотской службы с практикой на кораблях и подводных лодках, нес вахты и драил палубу в кубрике. Комитет госбезопасности тем временем реформировался и постоянно менял названия, вероятно, вводя в заблуждение оппонентов из-за океана. КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК и, наконец, Федеральная служба безопасности. После успешной сдачи сессии за второй курс меня внезапно вызвали в кабинет начальника училища. Там, помимо нашего контр-адмирала, я повстречал незнакомца в штатском. Сухо поприветствовав меня, он представился полковником ФСБ и дал мне полчаса на сборы. А в ответ на мой растерянный вид объявил:

– Первоначальный этап твоего обучения закончен. Ты узнал, что такое военная служба и отправляешься в закрытую школу боевых пловцов.

Об этой школе доводилось слышать не раз. Что и говорить – многие из моих однокашников мечтали попасть в ряды ее курсантов. Но повезло мне одному.

Прошло еще два года напряженной и кропотливой подготовки, прежде чем меня допустили до государственных экзаменов. Сдавать пришлось как теорию, так и практику. Причем последние и самые сложные испытания принимали действующие боевые пловцы, за плечами которых были десятки и даже сотни секретных подводных операций. С первого раза экзамены посчастливилось сдать только пятерым. И снова повезло – я оказался в их числе.

Получив диплом и лейтенантские погоны, я был направлен стажером в особый отряд боевых пловцов «Фрегат-22», находящийся в прямом подчинении руководителя одного из депар-

таментов Федеральной службы безопасности. Таким вот незатейливым образом спорт и хобби превратились в дело всей моей дальнейшей жизни.

Пловцы из «Фрегата» принадлежали к особой «касте» великолепно подготовленных бойцов подводного спецназа. Почему к «касте»? Да потому что нас было мало. Очень мало по сравнению с элитой аналогичных сухопутных спецподразделений. К тому же методика нашей подготовки всегда представляла собой тайну за семью печатями. Когда-то – на заре становления советского подводного спецназа – нашим пловцам приходилось учиться у итальянцев и англичан. Позже появился опыт и собственные наработки. А с некоторых пор «импортные» бойцы сами не прочь позаимствовать кое-что из нашей тактики и методики подготовки.

Я имел неплохие навыки, отличную физическую форму и настойчивость, сравнимую с диким упрямым ширабатского осла. Благодаря этим качествам мне удалось сравнительно быстро пройти стажировку и стать полноправным боевым пловцом, после чего началась настоящая служба, насыщенная перелетами, походами на кораблях, бесконечными и различными по степени сложности погружениями. Через пять лет я получил погоны капитан-лейтенанта и вполне справедливо стал считать себя опытным пловцом.

Несмотря на многочисленные трудности, служба во «Фрегате» мне нравилась. Это была работа для настоящих мужчин: сложная, сопряженная с риском для жизни, требующая специфических знаний и очень хорошей физической подготовки. А самое главное – она была невероятно интересной.

Профессия боевого пловца всегда относилась к разряду уникальных. Офицеры «Фрегата» и других схожих по назначению особых отрядов не имели ни одной гражданской специальности, но с легкостью задерживали дыхание на четыре с половиной минуты и знали все, что касалось снаряжения и дыхательных аппаратов – как отечественных, так и зарубежных. Мы делали кучу орфографических и грамматических ошибок в рапортах, и в то же время лаконично и с завидной точностью составляли отчеты о проделанной на глубине работе. Мы мало смыслили в опциях современных автомобилей, но при этом запросто управляли судами и подводными лодками различных классов. Мы никогда не занимались серьезной наукой, но могли рассказать о флоре и фауне океанов больше любого ихтиолога с ученой степенью.

К тридцати годам юношеская дурь окончательно выветрилась из моей головы; я заматерел, набрался жизненного и профессионального опыта. Ровно через десять лет после зачисления стажером в отряд боевых пловцов я получил погоны капитана второго ранга и был назначен на должность заместителя командира «Фрегата». А еще через пару лет – после трагической гибели командира – возглавил знаменитый отряд.

Новая должность прибавила хлопот и седых волос, ведь с момента назначения на нее на плечи легла немалая ответственность за подготовку и воспитание молодого пополнения, за жизнь и здоровье каждого пловца, за положительный исход тех головоломных операций, в которых нам приходилось участвовать. Все мои подчиненные были широкоплечими красавцами ростом от ста восьмидесяти до ста девяносто шести. Огромные такие кони. А знаете, почему до ста девяносто шести? Нет, не для того чтобы, не кланяясь проходить в дверные проемы. А потому что во мне самом – сто девяносто семь. А командир, как известно, всегда должен смотреть на подчиненного сверху вниз.

Рассказ о моей прошлой жизни будет неполным, если не упомянуть о кураторе «Фрегата» и нашем непосредственном шефе – Сергее Сергеевиче Горчакове. Он был гениальным массовиком-затейником и гигантом мысли – мы не успевали разобраться с одним заданием, как он в красках описывал суть следующего. В общем, скучать с ним не приходилось.

Глава 3

Атлантический океан; борт подводной лодки сверхмалого класса «Барракуда». Настоящее время

«Что за ерунда?!» – едва удерживаюсь на ногах. Мощный звук терзает слух, порождая низкочастотные вибрации, от которых тело окатывают волны неприятного холода. Звук похожит то на протяжный, то на прерывистый рев.

Неужели попал под корпус огромного судна?! – бросаюсь к мониторам. Пальцы от волнения трясутся. Лихорадочными движениями включаю внешние камеры, установленные на шлюзовом отсеке, выполненном в виде невысокой рубки. На экране появляется картинка с фронтальной камеры. Чисто. Только искрящаяся рябь поверхности. Вторая камера, развернутая на сорок пять градусов вправо. Чисто. Третья, показывающая правый сектор. Чисто. Поочередно осматриваю поверхность по часовой стрелке вокруг шлюзового отсека «Барракуды»... Пусто. Ни одного признака присутствия посторонних судов. Прерывистые звуки постепенно стихают.

Что же это было? – нажимаю клавишу, выдвигающую перископ. Телескопическая труба раздвигается вверх. Вниз же опускается оптико-электронный блок с рукоятками управления. Надолго поднимать перископ опасно, и – осматривая поверхность, я должен уложиться в семьдесят секунд. Кладу ладони на рукоятки. Дождавшись, когда загорится контрольная лампочка готовности блока к работе, смотрю в окуляры...

Никого, облегченно вздыхаю, выполнив полный осмотр горизонта.

Убрав перископ, возвращаюсь в кресло и на всякий случай проверяю параметры систем. Все в норме.

Во время подготовки к походу на «Барракуде» со мной занимались несколько ветеранов-подводников, имевших солидный опыт плавания на небольших разведывательных подлодках. Один из них рассказал о некоторых странных явлениях, происходящих на борту после двух месяцев пребывания в замкнутом и весьма стесненном пространстве.

– Иногда я отчетливо слышал лай собаки, иногда в соседнем отсеке плакал маленький ребенок, – на полном серьезе делился он со мной впечатлениями. – Но гораздо чаще раздавались голоса взрослых людей – словно за переборкой сидели двое и просто болтали о жизни.

– Чем это можно объяснить? – интересовался я, не слишком-то веруя в чудеса.

– Объяснить это невозможно. Это чувствуешь.

По его словам особенно часто с подобным явлением сталкивались космонавты на орбите или кандидаты в космонавты при испытании в звукоизолированной сурдокамере. Одни слышали посторонние звуки, другие после тридцати часов полной изоляции видели висящие в воздухе предметы или лица близких людей среди приборов пульта управления. Картины не для слабонервных. Объяснить вышеописанные явления галлюцинациями, возникающими из-за нехватки внешних раздражителей, не представляется возможным. По этой причине и замалчивались многие годы странные свидетельства небожителей. Но то были явления в космосе. Я же нахожусь на борту подводной лодки, и звук исходил не из моего воспаленного сознания. Звук был реальным. Я готов поклясться сердцем, печению и даже желудком в том, что его источник находился вне субмарины.

Размышляя над странным происшествием, я все же решаю посмотреть фильм с легким сюжетом. Для отдыха и восстановления нервной системы после полученного стресса...

На экране Александр Демьяненко в роли легендарного Шурика, охраняющего вместо бабули склад. Развитие событий в фильме мне давно известно наизусть, и все же я не могу сдержать улыбку. Однако мозг в фоновом режиме раз за разом прокручивает недавнее происшествие и анализирует его причины... В процессе размышления память подкидывает один известный факт: в 1997 году Национальное управление США по проблемам океана и атмо-

сферы (NOAA) записало странный звук, исходивший из глубин океана. Странный и невероятно громкий. Настолько громкий, что его одновременно уловили два микрофона, расположенные на расстоянии трех тысяч миль друг от друга. Проведя исследования записи, американские ученые сделали вывод, что источником ужасающего по силе звука было живое существо. Ту загадку разгадать не могут по сей день, ибо в природе не существует такого большого животного, способного производить звук, распространяющийся в океане на тысячи миль. Ни сообщество голубых китов, ни семейство обезьян-ревунов, ни хор голосащих девочек-подростков на такое не способны. Вскоре после того, как сотрудники NOAA выложили запись странного звука на сайте Национального управления, некоторые фанаты Говарда Лавкрафта решили, что звук производил знаменитый персонаж Ктулху, поскольку координаты источника звука находились недалеко от того места, которое Лавкрафт указал для подводного города Р'льех.

Наверное, это и в самом деле был Ктулху, – усмехнулся я, включая меню проигрывателя и листая его страницы. – Надо посмотреть еще что-нибудь веселенькое. На ужасы и фантастику почему-то не тянет.

Шутки шутками, но мощный звук, заставивший вибрировать корпус и внутренности «Барракуды», из головы не выходил...

В районе обеда, когда я разогревал полуфабрикаты под названием «Овощное рагу с мясом индейки», ожила система предупреждения о наличии на курсе надводного судна. Выключив электроплиту, спешу к рабочему месту...

«Дистанция сорок миль. Объект находится по пеленгу двести тридцать и движется встречным курсом со скоростью от двенадцати до пятнадцати узлов. Водоизмещение объекта предположительно от пятидесяти до шестидесяти пяти тысяч тонн...» – ползли по экрану строчки с информацией.

Сообщение не вызвало паники. Это был рядовой случай, каковых за время похода насчитывалось не менее двух десятков. Атлантика давно представляет собой проходной двор с интенсивным движением надводных судов. На одной из многочисленных карт, прицепленных на стене у рабочего кресла, показаны основные маршруты следования торгового и пассажирского флотов по Атлантическому океану. Карта буквально пестрит стрелками и пунктиром. В данный момент я нахожусь на одном из таких оживленных маршрутов, и удивляться наличию попутных или встречных судов не стоит.

Зайдем от греха подальше глубину в восемнадцать метров, кладу руки на штурвал и отдаю его от себя. На такой глубине меня не достанет ни один танкер.

Движением левой руки уменьшаю подаваемую на гребной вал мощность, отчего скорость падает до экономичной. Ведь на восемнадцати метрах освещенность хуже, и аккумуляторные батареи рискуют не получить нужного количества энергии. Черт бы побрал это встречное судно...

Вообще мою малютку водоизмещением триста двадцать пять тонн обнаружить посреди океана не так-то просто. Если, конечно, не случится нечто непредвиденное, и я сам не заставлю ее всплыть на поверхность. Корпус, повторюсь, сделан из титана и имеет слабое магнитное поле. Гребной винт, вал и редукторы изготовлены на высокоточном оборудовании и к тому же вращаются с относительно небольшой скоростью, что на порядок снижает их шумность. На ходовых испытаниях «Барракуду» не смогла услышать ни одна группа акустиков с трех сопровождавших ее надводных военных кораблей из состава Северного флота. С визуальной маскировкой тоже все в порядке – фотоэлектрические преобразователи, коими обклеена верхняя и боковые части корпуса, имеют темно-зеленоватый оттенок. Заметить подлодку с воздуха или из космоса практически невозможно, даже если она находится на глубине пяти-шести метров. Ну, а радиолокационная маскировка ей попросту не нужна: на поверхность океана я не всплываю.

Вы спросите, а как же вентиляция отсеков и подпитка системы высокого давления? Для этих целей из кормового отсека поднимается телескопическая труба диаметром тридцать два миллиметра. Этакая штанга, напоминающая шноркель. Ее я поднимаю с наступлением сумерек два-три раза в неделю. Этого вполне хватает. Перископом тоже пользуюсь в крайних случаях. Сегодня с его помощью осматривал горизонт – четвертый раз за весь поход. Так что если супостаты прознают про мою миссию и захотят отловить на бескрайних просторах Атлантического океана, то им придется поднять на ноги весь 4-й флот, а в помощь ему прислать 6-й из Средиземного моря.

Пообедав, я решаю вновь проверить параметры хода и послушать море. Встречное судно приближается, шумы становятся отчетливее.

«Дистанция двадцать восемь миль. Пеленг двести тридцать три. Объект движется встречным курсом со скоростью четырнадцать узлов. Водоизмещение объекта от сорока восьми до пятидесяти шести тысяч тонн...» – ползли по экрану строчки уточненной информации.

– Разойдемся левыми бортами, – заключаю, поелозив пальцем по рабочей карте. – Встречное корыто пройдет левее мили на полторы. И произойдет это...

Заниматься устным счетом лень. Запрашиваю время расхождения у программы. «Один час сорок две минуты», – тут же выдает ответ умная сволочь.

– Куча времени, – плетусь на кровать. – Даже можно на часок уйти в астрал...

В прошлой жизни я наверняка был тюленем или морским леопардом. Да и в этой ничего не изменилось: под водой плаваю не хуже земноводных, сплю по четырнадцать часов в сутки. Да, в постели я очень крут – могу спать целыми днями. А чем еще прикажете заняться в крохотном пространстве «Барракуды»?

К каждой приличной подводной лодке приписано два экипажа. Когда первый уходит в положенный после автономки отпуск, на службу заступает второй и начинает отрабатывать боевые задачи. К примеру, выход на связь с другой подлодкой, погружение на максимальную глубину, учебные стрельбы, в том числе по надводным кораблям и многое, многое другое. Если все параметры подготовки в норме, то штаб отправляет экипаж на боевую службу. Каждая автономка длится от пятидесяти суток до трех месяцев. Курсантскую практику я проходил на Северном флоте и ходил в основном подо льдами Северного полюса, где субмарину не видно со спутника. Ведь в морях с чистой водой ее можно засечь даже на глубине в сотню метров.

В задачу тех подлодок, на которых мне пришлось проходить практику, входило патрулирование районов северных морей. Только один наш современный подводный корабль с шестнадцатью баллистическими ракетами на борту мог стереть с лица Земли такую страну, как Великобритания. Каждая из ракет несла до десяти боеголовок, в пять-шесть раз превосходящих по мощности бомбу, сброшенную американцами на Хиросиму. Из этого следует, что по соседству с нашим жилым отсеком располагалось страшной силы оружие, способное устроить около тысячи Хиросим.

Было ли мне страшно? Сложно сказать. Старшие товарищи, посмеиваясь, приговаривали: «Бояться должны те, по кому мы можем выстрелить».

И мы не задумывались о смерти. Никто же ежеминутно не думает о том, что его может сбить машина или накрыть взрывной волной от упавшего метеорита. Да и некогда в большом коллективе поддаваться простым человеческим слабостям. На борту подлодки столько забот, что порой забываешь, какое сегодня число и день недели...

На крохотной «Барракуде» все по-другому. Я – единственный член экипажа и самостоятельно выстраиваю распорядок, решая, когда и чем заняться. Здешнюю тишину не разрывают тревожные звонки и металлические голоса вахтенных по трансляции. Здесь не слышно топота матросских «гадов», рыков старпома, ядерных офицерских шуток и запахов сваренного коком

борща. Здесь даже не с кем перекинуться парой слов. Разговаривать можно либо с центральным компьютером, либо с самим собой.

Первые пару недель похода я привыкал к новой обстановке. А после того как привык, вдруг ощутил себя в камере-одиночке самой крутой тюрьмы, из которой никуда и никогда не сбежишь. Это открытие меня здорово выбило из колеи. Вам сложно представить, какие чувства я испытывал девять дней назад, когда проходил траверз Азорских островов. Этот небольшой архипелаг расположен примерно посередине того маршрута, что предстоит пройти моей субмарине. К тому моменту я болтался в море более сорока дней. Одиночество с малоподвижным образом жизни успели порядком осточертеть, и, лежа на кровати, я всерьез продумывал план изменения маршрута.

– А что если подойти к острову Корву – самому северному в западной группе Азорских островов? – мечтательно шептал я, рассматривая на карте крошечный клочок суши посреди океана. – Осторожно подойти, лечь на грунт на глубине полусотни метров, надеть костюмчик с ребризером, маску, ласты и выйти через шлюзовой отсек. Полчаса свободного плавания в радиусе кабельтова от подлодки. Или час до ближайшего островного берега, где можно просто полежать на песочке и поглазеть в бездонное синее небо.

Ей-богу – в тот трудный момент мне больше ничего было не нужно. Об отклонении от маршрута и моей выходке не узнала бы ни одна душа!.. Тогда я действительно был близок к реализации этой фантазии, но... дисциплина и стремление к четкому выполнению приказа, заложенные еще в военном училище, помешали моим планам. С грустью посмотрев на изображенные на карте острова, я не стал менять курса.

– Ладно, – вздохнув, отшвырнул я карту, – в конце концов, впереди будут и другие острова: Бермуды, Багамы...

Ровно через час сорок минут завершала система оповещения.

– Чего тебе? – приоткрываю один глаз.

Система не ответила. К моему большому сожалению, говорить человеческим языком она не умела.

Поднявшись с кровати, перемещаю свой зад в кресло и повторяю вопрос языком компьютерных символов.

«Расхождение со встречным судном, – бежит по экрану монитора текст. – Дистанция расхождения одна миля и семь кабельтовых».

– Понятно, – бросаю взгляд на часы.

Три часа дня. Еще достаточно светлого времени, чтобы приподняться до глубины пять-шесть метров и продолжить процесс подзарядки в оптимальном режиме. Кладу руки на штурвал и задаю субмарине отрицательный дифференциал...

Глубина – пять метров. Привычные манипуляции с органами управления; контроль параметров электросистемы... Все в норме. Подзарядка идет в штатном режиме.

Почувствовав усталость, откидываюсь на спинку кресла. Да, денек сегодня выдался нервным. Обычно рабочие вахты протекают спокойно и буднично – я даже успел привыкнуть к их однообразию. А тут целых два происшествия кряду: громкий звук непонятного происхождения и встречное судно, из-за которого пришлось менять глубину.

Признаться, я рассчитывал провести сегодняшний день по-другому: отстоять вахту, приготовить приличный ужин и устроить баньку. В специальном баке накопилось прилично пресной воды – почему бы не использовать ее? Ведь банный день на корабле – праздник для всей команды.

– Надеюсь, план по приключениям на ближайшую неделю выполнен, – сладко зеваю, мечтая поскорее уйти на глубину.

Увы, но от истины я был далек, и ближе к вечеру меня ждало третье приключение. А точнее, продолжение одного из двух, успевших в первой половине дня изрядно потрепать нервы...

Глава 4

Российская Федерация, Москва. Четырьмя месяцами ранее

Сейчас Горчакову около шестидесяти. Задолго до сегодняшнего дня – при первом нашем знакомстве – было лет сорок пять. Он руководил одним из департаментов ФСБ, имел звание генерал-лейтенанта, но форму надевал крайне редко и только для визитов к высокому начальству.

Сергей Сергеевич был шупл, небольшого росточка; седые волосы обрамляли его лицо с правильными чертами. Он часто курил. Кожа его рук, лица и шеи была настолько тонкой, что почти не имела цвета. Однако внешность мало отвечала внутреннему содержанию: при некоторых недостатках характера он всегда оставался великолепным профессионалом, достойным человеком и интеллигентом до мозга костей.

Нас всегда поражала его скромность. Пройдя длинный служебный путь и постоянно вращаясь в высших кругах, Горчаков умудрился сохранить массу положительных качеств и остаться нормальным, доступным человеком. Во всяком случае, жил не на Рублевке, ездил на стареньком служебном авто без мигалки, а за продуктами ходил пешком с авоськой в ближайший магазин. Еще одно отличное качество: он умел сомневаться в своих мыслях, убеждениях, поступках. А ведь поговаривают, будто сомнение – неотъемлемый признак русского интеллигента. И наконец, он был хорошо воспитан и блестяще образован. Правда, иногда мог вспылить, наорать и даже объявить взыскание – в девяти из десяти случаев это происходило заслуженно; а в десятом, осознав свою ошибку, Сергей Сергеевич обязательно извинялся и пожимал в знак примирения руку. Мне нередко доставалось от него за ошибки, дерзость, едкие шуточки и независимый характер, но в целом он относится ко мне с теплотой и приемлемой строгостью.

Горчаков ненавидел любую религию, будь то ислам, иудаизм, христианство, буддизм, индуизм или что-то другое. Нет, он не был воинственным атеистом, коих в прошлом веке пачками штамповала коммунистическая партия. Просто не верил в посредников между человеком и Богом, считая их заурядными проходимцами, одурачивающими доверчивый народ в храмах, мечетях, синагогах и церквях. Он и без них великолепно разбирался в окружающем мире, придерживаясь самых высоких моральных норм.

А еще мы считали его ангелом-хранителем нашего отряда. К сожалению, в опасной работе боевых пловцов иногда случаются нештатные ситуации и даже трагедии с летальными исходами, предугадать которые заранее невозможно. И каждый раз Сергей Сергеевич едва ли не грудью защищал нас от карающего самодурства чиновников различных рангов.

Года четыре назад привычная для боевых пловцов служба во «Фрегате» начала медленно, но верно превращаться в ад. Количество командировок сократилось; в отряд зачастили комиссии с проверками, и все мы вместо того, чтобы заниматься своим любимым делом, целыми днями просиживали в душных классах, заполняя непонятные формуляры, сочиняя никому не нужные отчеты, объяснительные, докладные...

Впрочем, тогда подобное происходило повсеместно. Жизненно важные для существования сильного государства структуры, многократно доказавшие свою пользу, вдруг стали исчезать. Их разваливали с потрясающей стабильностью – каждый месяц приходило печальное известие об очередном сокращении такого-то отряда или подразделения. До поры мы надеялись на чудо, но... очередь дошла и до нас.

Я не люблю вспоминать о тех событиях. Нас довольно оперативно вышвырнули со службы с формулировкой «Уволить в запас в связи с сокращением и реорганизацией внутренней структуры Федеральной службы безопасности». Мне и другим ветеранам отряда, имевшим приличную выслугу, хотя бы начислили пенсию. А молодым коллегам просто помахали ручкой, сказав: «Когда понадобится, вас позовут...»

С тех пор у меня нарушена психика плюс икота при виде депутатов и чиновников. Да и не только у меня. Уверен: никто из моих ребят после подобной «обходительности» на государственную службу не вернется. Если нет уверенности во власти, то лучше податься к богатым коммерсантам, сумевшим организовать бизнес на многочисленных побережьях. Любого из бывших боевых пловцов они возьмут с превеликим удовольствием, ведь он – готовый инструктор и настоящая находка для таких компаний. Плати нормальные деньги и используй на полную катушку его бесценный опыт.

Поначалу я был здорово обескуражен увольнением и не осознавал глубины той пропасти, в которую угораздило слететь. Еще бы! Только что надевал черную тужурку с четырьмя рядами орденских планок, с погонами капитана первого ранга и имел полное право взирать на мир с улыбкой Гагарина. А сегодня стал простым московским безработным. Оказавшись на дне этой пропасти, я не хотел ничего. Ни-че-го. Отсыпался, читал книги, всласть проспиртовал свой организм. Через полгода надоело сидеть в тесной однокомнатной квартирке, задыхаться от собственного перегара, и я по примеру коллег по несчастью отправился на поиски подходящего работодателя. За пару месяцев я побывал в трех десятках компаний, организующих морские путешествия, рыбалку, подводные экскурсии и прочие экзотические мероприятия. Однако довольно скоро пришло разочарование. Где-то дайверская работа подменялась обязанностями обыкновенного спасателя; где-то платили сущую мелочь, на которую не смог бы протянуть и худосочный студент; в каких-то офисах сидели мутные люди, не знавшие, что и кто им нужен. А большинство менеджеров по кадрам отказывало в силу моего возраста.

– Извините, – вздыхали они, полистав заполненную мной анкету, – вам скоро сорок, а мы ищем специалиста с перспективой...

Моя пенсия была отнюдь не депутатской, а столичная жизнь имела одну поганую особенность: деньги здесь заканчивались чрезвычайно быстро. Вскоре у меня иссякли небольшие накопления, и настал такой период, когда от бессилия и возмущения хотелось биться головой о стену и орать в небо. Я был согласен на любую работу: таскать в бывшее бомбоубежище коробки с коньяком, стоять у лотка, разгружать фуры, охранять чужие склады...

С тех пор начались мои мытарства. Где я только и кем не работал! Трудился проходчиком в метрострое. Прочесывал металлоискателем сочинские пляжи в поисках утерянных золотых вещей. Участвовал в турнире пловцов у островов Фиджи. Корячился разнорабочим на шахте одного из северных архипелагов. И даже искал останки сгинувшего на Филиппинах самолета, перевозившего крупную денежную сумму. Иногда мне улыбалась удача. А в некоторых случаях с трудом удавалось унести ноги. Чаше перебивался случайными заработками и даже голодал, если ситуация не позволяла перехватить в долг до пенсии.

Постоянной работы не было, как не было и мыслей по поводу дальнейшего жития. В бытие следовало что-то менять, иначе я рисковал спиться или утонуть в болоте беспросветной нищеты. Я ломал голову над планом выхода из тупика и бухал, бухал, бухал... А что было делать? Ведь только алкоголизм и систематическое пьянство позволяли примириться с этой поганой реальностью. Понятия не имею, что бы я делал сейчас, если бы четыре месяца назад мой сотовый телефон не ожил, высветив знакомый номер.

– Привет, Евгений, – послышался до боли знакомый голос.

Собрав волю в кулак, я произнес трезвым голосом:

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич.

– Не соскучился по сослуживцам?

Соврать с похмелья не получилось:

– Скучаю, когда есть время...

– Ты не занят? Я тебя не отвлекаю?

– Нет. Свободен с тех пор, как уволили.

– Чувство юмора не утратил – это уже хорошо. Рад тебя слышать. Стало быть, бездельничаете?

Он и в шестьдесят бодр и весел. А мне еще нет сорока и так хреново, что хочется сдохнуть.

– Лень и безделье, товарищ генерал, – залог здоровой старости.

– О как! Жаль, не знал этого раньше. Ну, а серьезно? Как твои дела, чем занимаешься?

Я помедлил, подбирая слова для ответа.

– Иногда подрабатываю, если подворачивается нормальное дело. Но чаще отдыхаю. Некоторые плюсы у пенсии все-таки имеются: отдохнул, поумнел, выспался, – выливаю в стакан остатки рассола.

– Давненько не виделись, – как всегда издалека начинает старик. – Неплохо бы увидеться, поболтать...

Он никогда не говорит о сути дела сразу. Даже в те далекие времена нашей совместной службы, когда сверху спускали приказ о срочной работе, когда предстояло быстро собрать шмотки и лететь к черту на рога на другой конец континента.

– Вы по делу звоните или просто так?

Покашляв в трубку, старик огорошил:

– По телефону всего сказать не могу – слишком долго и конфиденциально. Короче говоря, надо встретиться.

«Конфиденциальность» на языке бывшего шефа означало нечто очень серьезное. Настолько серьезное, что я готов был испугаться.

– В двух словах не могли бы набросать? – вымолвил я, допив рассол.

– В двух словах не получится, – вздохнул он. И добавил: – Командировочку тут одну пробил – длительную, сложную, опасную. В общем, как ты любишь. Естественно, со всеми вытекающими льготами, премиями, бонусами и остальными сладостями.

Мозг моментально спроецировал идею с командировкой на мое бедственное положение, прикинул возможности, рассчитал затраты, рентабельность, норму прибыли и прочие матюки из бухгалтерского лексикона. Идея была глуповатой. Но красивой. И смелой. А еще это был реальный шанс не спиться и выбраться из болота, так как в командировке наверняка предстоит ходить на глубину. Для другой работы Горчаков нашел бы кого-нибудь другого.

– Ну так как? Готов уделить мне часок-другой?

– А чего ж не встретиться? К завтрашнему дню выйду из запоя и приеду. В полдень устроит?

– Ты что... про запой – это серьезно? Или опять шутишь?

– Шучу, конечно. Совсем вы от нормального общения отвыкли.

Горчаков тихо икнул и отключил связь.

Хорошо, что разговор закончился так. Обычно в ответ на мои шуточки шеф посылает в розовую даль и желает много других непечатных радостей жизни.

Утро выдалось ненастным, ветреным, тяжелым с похмелья и тоскливо-тревожным, что неудивительно, ведь мне приходится ехать на аудиенцию к боссу, от которого никогда не знаешь, чего ожидать. Нет, сегодня я не боялся нагоняя. С чего бы? Во-первых, не заслужил. Во-вторых, ради старых грешков он названивать не стал бы – не тот человек. В-третьих, мы давненько с ним не виделись.

«Скорее всего, наша встреча будет носить мирный характер, – заключаю, топя по переходу между станциями «Кузнецкий Мост» и «Лубянка». – Горчаков будет долго мямлить за жизнь, исподволь подводя беседу к нужной теме. Потом огорошит, предложив слетать в космос или в одиночку отправиться к Южному полюсу. При этом начнет впаривать прелести будущей командировки, сулить золотые горы и вольготную загробную жизнь. Это он умеет...»

Да, с ним никогда не было просто. Готовишься к взбучке, а получаешь благодарность с похвалой; заходишь в кабинет с чистой совестью и тут же нарываешься на взыскание. В течение получаса он сменит несколько масок и настроений: побыв нейтрально-холодным, по-отечески похлопает по плечу и тут же превратится в брюзгу.

Я почти на месте. Знакомое гранитное крыльцо, массивные двери центрального входа в серое мрачное здание. За время службы я бывал тут десятки раз, а сейчас отчего-то беспокоит ощущение неуверенности.

– Позвольте узнать цель вашего прибытия? – кивнув сухо, интересуется дежурный офицер.

Объясняю, к кому «прибыл», и подаю паспорт. Он снимает трубку внутреннего телефона, набирает номер...

За прошедшие четыре года здесь ничего не изменилось: тишина, угрюмая атмосфера, белый свет дежурных ламп и все тот же кислотовато-приторный запах от паркетной мастики.

Связавшись с Горчаковым и получив «добро», офицер вписывает мои данные в журнал.

– Проходите. Третий этаж, кабинет номер триста двадцать...

А то я не помню номера кабинета! Я смог бы отыскать его с завязанными глазами. Знал бы ты, капитан, сколько и чего мне пришлось в этом кабинете выслушать!..

Поднявшись по парадной лестнице, подхожу к двери. Стучу. И слышу до боли знакомый скрипучий тенорок:

– Ну, чего скребешься под дверью, как мышь? Заходи!..

Глава 5

Атлантический океан; борт подводной лодки сверхмалого класса «Барракуда» Настоящее время

На одном из вспомогательных мониторов приборной панели постоянно высвечиваются два циферблата. Один показывает время по Москве, другой информирует о времени в том часовом поясе, где движется «Барракуда». На данный момент я нахожусь в часовом поясе UTC-4, по которому живет население расположенных поблизости Бермудских островов. Свой рабочий график я вынужден корректировать, исходя из так называемого местного времени. А что делать? С восходом солнца я обязан подвсплывать для подзарядки, с наступлением сумерек – уходить на глубину.

Приготовлением ужина я обычно занимаюсь поздно – после десяти часов вечера, когда субмарина спокойно идет на приличной глубине. Спать в это время еще не хочется, так как за рабочий день я успеваю не раз приплющить головой подушку. Об усталости тоже говорить не приходится. Одним словом, после погружения ночью на глубину у меня начинается самое приятное время.

Вот и сегодня – после нервотрепок с непонятным звуком и маневрами ухода от встречного судна – я с нетерпением жду момента, когда аккумуляторные батареи насытятся солнечной энергией, и электросистема подаст долгожданный сигнал: «Подзарядка завершена».

Восседая на «троне», нетерпеливо поглядываю на часы. Во-первых, у меня разыгрался аппетит, и воображение постоянно рисует то одно роскошное блюдо на ужин, то другое... Во-вторых, на сегодняшней вечер запланирована баня. Громко, конечно, сказано. Баня на «Барракуде» – это десятиминутный теплый душ с весьма слабым напором. Увы, но большего я позволить себе не могу – слишком уж скромные возможности у бортовой опреснительной системы. Впрочем, хорошо, что есть хотя бы такая, иначе пришлось бы мыться морской водой, а это совсем другой коленкор.

Сейчас в Москве глубокая ночь – два часа пятьдесят минут. А в столице Бермуд – Гамильтоне – восемнадцать пятьдесят. До захода солнца остаются считанные минуты. Солнце уже нависло над горизонтом; панели фотоэлектрических преобразователей с каждой секундой получают энергии все меньше и меньше... Сигнала нет. Вывожу на экран значение заряда аккумуляторных батарей. Девяносто семь процентов. Нормальное значение. При такой зарядке «Барракуда» может идти экономичным ходом не менее трех суток. Пора сваливать на глубину.

Уменьшаю обороты гребного винта, отдаю штурвал от себя и... едва не подпрыгиваю от проклятого звука. Опять этот мощный рев, порождающий низкочастотные вибрации. И опять мое тело окатывают волны неприятного холода.

На этот раз проблема по-настоящему серьезная. Произошедшее утром сейчас представляется сущей ерундой. Тогда был только звук. Ужасный, выворачивающий наизнанку. Сейчас к звуку прибавились толчки. «Барракуда» словно задевает нечто огромное, отчего корпус покачивается, кренясь то вправо, то влево, то выдавая дифферент на корму, то основательно задирая нос. Первый толчок был настолько неожиданным, что я, потеряв равновесие, ткнулся головой об угол шкафа. Вновь, как и утром, бросаюсь к мониторам. Трясущимися пальцами включаю внешние камеры, установленные на шлюзовом отсеке. Картинка с фронтальной камеры. Чисто. Только вместо искрящейся ряби на поверхности видны красноватые всполохи от лучей заходящего солнца. Вторая камера, развернутая на сорок пять градусов вправо. Тоже чисто. Опять толчок, от которого я едва не вылетаю из кресла. Определяю на глаз направление, откуда исходил удар. Кажется, слева и сзади. Вывожу на экран картинку с нужной камеры.

Что за чертовщина?.. – ошалело гляжу на огромное темное пятно, лениво плывущее рядом с левым бортом субмарины.

На корпус судна не похоже. Так что же?..

Кит! – озаряет догадка, когда на экране появляется огромный плавник. Синий кит! Его так же называют голубым. Самое крупное животное из всех, когда-либо обитавших на Земле...

Приняв балласт, заставляю «Барракуду» занять двадцать метров глубины – так безопаснее. В противном случае этот обезумевший экземпляр попросту вытолкнет субмарину на поверхность.

Итак, глубина двадцать. Кит продолжает издавать мощные звуки и таранить корпус «Барракуды». Понаблюдав несколько минут за его поведением, я начинаю догадываться о сути происходящего. В длину взрослая особь синего кита достигает тридцати семи метров, а самые крупные экземпляры весят до ста девяносто тонн. К слову, примерно столько весит современный железнодорожный локомотив. В Атлантике синие киты чаще обитают у побережья Канады и только в зимний период мигрируют в южные широты. Какого черта этот «товарищ» приперся сюда посреди лета – мне неизвестно. Голос подавал, конечно же, он. Утром с некоторого расстояния, а сейчас оглушает ревом, подойдя вплотную. Крупные блювалы издают очень мощный звук, имеющий интенсивность сто восемьдесят децибел. Такой «голосок» можно услышать с дистанции в несколько сотен миль.

Теперь о его странном поведении. Синие киты – моногамны; пары образуются надолго, самец всегда держится рядом с самкой и не покидает ее ни при каких обстоятельствах. Только в случае ее гибели кит начинает поиски новой подруги. Вероятно, самец, за которым я продолжаю наблюдать с помощью внешних камер, потерял партнершу, а мою «Барракуду» принял за «свободную леди». Вот и обхаживает, потираясь о нее своим телом. А я, не к ночи будет сказано, от каждой его «нежности» едва не вылетаю из кресла... Разобравшись с источником опасности, я принял решение уйти на глубину. Не ждать же, пока огромный Ромео погнет лопасти гребного винта или с дури снесет рули. На глубину до пятисот метров синие киты ныряют в исключительных случаях – при сильном испуге или ранении. Обычные погружения не превышают ста пятидесяти метров. Ведь максимально они могут пробыть под водой не более двадцати минут. Этим я и воспользовался, приняв балласт и резко отдав штурвал от себя.

Кит преследовал «Барракуду» около четверти часа: ревел, подплывая то снизу, то сверху, то сбоку – терся о борта...

Оторвался, с облегчением выдохнул я, когда массивное тело исчезло из поля зрения.

Заняв для пущей надежности двести метров, я откинулся на мягкую спинку и минут десять сидел неподвижно, подспудно ожидая новых сюрпризов от морского монстра.

Тишина. Такая тишина и безмятежность достижимы только на большой глубине.

Ну, слава богу, установив мощность экономичного хода, покидаю рабочее место. Теперь можно заняться ужином и баней. А перед сном приподнимусь до восьмидесяти метров...

Захожу в душевую кабинку. Банный день – одно из самых приятных мероприятий в моей подводной эпопее. Водичка теплая, течет стройно. Намыливаю голову, затем простенькую мочалку. С наслаждением смываю с себя пену. Кайф...

Да, на больших лодках все было иначе. Ее экипаж разбит на три вахтовые смены. Все вахты по четыре часа. Каждая смена завтракает, обедает, ужинает и пьет вечерний чай отдельно, практически не пересекаясь с другими сменами. Ну, кроме собраний, смены вахт и общих мероприятий в виде праздников или соревнований, организованных замом по воспитательной работе. Из развлечений на подводной лодке только турниры по шахматам, шашкам и домино. Пару раз на моей памяти командование устраивало спортивные состязания, типа поднятие штанги, отжимания от пола, подтягивание на перекладине... Однако вскоре пришла директива, запрещающая подобные мероприятия. Оказалось, что насыщенный двуокисью углерода воздух внутри подлодки плохо влияет на сердце.

Что еще было веселенького на больших подводных кораблях? Ах да – кино! В те времена не существовало планшетов, мобильных и DVD-плееров; в офицерской кают-компании

или в матросской столовой ставили обычный пленочный кинопроектор. Крутили в основном патриотические фильмы или комедии. Эротика была под строжайшим запретом, но матросы находили выход: нарезали из картин самые откровенные сцены, склеивали их в одну короткометражку и пускали по кругу...

Жить в замкнутом пространстве, когда вокруг тебя кипит работа и обитают такие же люди, не так трудно, как кажется. Во многом потому, что ты постоянно занят. Восемь часов пролетают на вахте, где необходимо следить за показаниями приборов, делать записи в журнале и быть готовым к любой нештатной ситуации. Примерно столько же спишь как убитый; полтора-два часа уходят на еду и прочие обязательные заботы. В три часа дня свободных от вахты матросов поднимают на «малую приборку». Все идут убирать какой-то участок одного из отсеков. У кого-то это пульт управления, у кого-то – кубрик или часть коридора, а кому-то «посчастливилось» наводить порядок в гальюне. Причем самое обидное заключалось в том, что закрепленный за тобой участок не менялся весь поход и если уж начал драить матросский туалет в носовой части корабля, то драишь его до победного конца. В общем, не заскучаешь и на философские размышления не отвлечешься.

Что мне нравилось в походах на крупных субмаринах? Наверное, отсутствие морской болезни. Лодку бросало только в надводном положении. Правда, исходя из требований скрытности, она всплывала лишь раз в сутки, чтобы провести сеанс радиосвязи. Ну, а на «Барракуде» это «удовольствие» продолжается весь световой день. Зато после погружения на большую глубину в моем распорядке наступает полная расслабуха. Управление субмарины занят автопилот, и если он каким-то образом перестанет справляться с задачей удержания заданного режима движения, то система оповещения мгновенно подаст сигнал. Я же предоставлен сам себе.

Торопливо ополаскиваюсь чистой водой. Увы, здешняя душевая кабинка – не ванная комната в моей московской квартирке. Водяных счетчиков нет, однако запасов воды мало – стоит замешкаться и... будешь стирать с себя остатки мыла полотенцем. А мне еще желательно побриться. Не люблю я буйную растительность на лице...

Заканчиваю банное мероприятие. Сушу волосы, вытираюсь, натягиваю свежее бельишко. Чистое тело дышит совсем по-другому. И настроение тут же меняется: минувшие проблемы забываются, появляется вера в светлое будущее.

Другое дело! – задаю опреснителю новый цикл работы и возвращаюсь в основной отсек. Пора садиться за стол.

На столе уже ждет баночка хорошего пива, вобла из недавно откупоренной жестяной коробки, консервированный салатик и пяток сосисок, которые следует разогреть. Включив микроволновку, открываю банку и делаю первый глоток... Полсотни литровых банок пива мне разрешил взять на борт сам Горчаков.

– Почему бы нет? – пожал он плечами, выслушав мое пожелание относительно слабого алкоголя. – Консервированная вобла на кораблях – обычное дело. Ну, а раз есть вобла, то должно быть и пиво. – И, помяв пальцами подбородок, добавил: – Поклянись, что не вылакаешь все в первые три дня.

– Да присидеть мне весь поход в аккумуляторной яме!

– Годится, – смилоствовался он.

Так в холодильном отсеке «Барракуды» появилось несколько коробок с пивом и с десяток бутылок отменного вискаря. По баночке пива я употребляю после баньки, а вискариком балуюсь по субботам и большим праздникам.

Старая морская поговорка гласит: «Если хочешь жить в уюте – ешь и пей в чужой каюте», – довольно изрекаю, очищая воблу. Жаль, что на моей субмарине всего одна каюта. Буду есть и пить в своей...

Утро. Голова после выпитого накануне литра пива тяжеловата. На суше я употребляю спиртное почаще, здесь же совершенно потерял форму, потому организм в недоумении. Проснувшись, лежу с открытыми глазами и рассматриваю белый потолок, словно надеюсь узреть что-то новенькое. К сожалению, ничего нового там нет: те же панели из негорючего пластика, те же тонкие росчерки теней. Господи, как же мне опостылел этот белый цвет!

Помню, читал о том, что где-то существует (или существовала) так называемая «белая пытка». Это вид эмоциональных мучений и, возможно, худшая из всех пыток, придуманных человечеством. Вместо избиений, поражения электрическим током, пребывания в неудобном ящике и прочих физических страданий, человека пытают полной изоляцией и сенсорной депривацией. Камера для «белой пытки» не имеет окон и окрашена изнутри в ярко-белый цвет. В верхней части встроены несколько мощных светильников такого же белого цвета. Кормят рисом, подаваемым на белых пластиковых тарелках; в углу ослепительно белый унитаз. Через некоторое время пребывания в белом плену человека начинают преследовать галлюцинации. Единственное спасение от них – сон и закрытые веки. Однако стоит открыть глаза, как галлюцинации возобновляются с новой силой. Прошедшие сквозь этот ад утверждали, что даже после освобождения не обретали свободы – их всю последующую жизнь преследовали страхи и химеры, рожденные в искаленном «белой пыткой» сознании.

Как бы и мне не свихнуться от пытки титаном. Я поднимаюсь с кровати и босиком топаю к календарю. Поймав болтающийся на леске карандаш, зачеркиваю еще один прожитый день. Зевнув, чешу волосатую грудь. Осталось одиннадцать дней...

Я снова у поверхности – глубина пять с половиной метров. Кит отстал. Ни страшных звуков, ни его темного тела поблизости. Скорость три с половиной узла, подзарядка идет в штатном режиме. На моих коленях лежит развернутая карта. На карте проложен маршрут. Ерзая по бумаге линейкой, вычисляю расстояние и время до района, где надлежит приступить к выполнению секретной миссии. Первая точка, куда я должен привести «Барракуду», находится неподалеку от восточного побережья полуострова Флорида – в районе города Орlando. Оставшееся расстояние до точки – семьсот восемьдесят морских миль. Делим на среднюю скорость, равную трем узлам. Получаем двести шестьдесят часов. Или чуть менее одиннадцати суток. Неплохо, если учесть общую протяженность маршрута в четыре с половиной тысячи миль, которые я должен был преодолеть за шестьдесят два дня. Но этот сложный и утомительный маршрут – лишь третья часть моего похода. Моей миссии. О том, что предстоит сделать у побережья США и как я буду добираться домой, – лучше не думать. До этого слишком далеко и не стоит себя расстраивать.

Глава 6

Российская Федерация, Москва. Четырьмя месяцами ранее

Десять тридцать утра. Мы сидим в кабинете Горчакова на Лубянской площади. За окнами прекрасный майский день: солнечно, безветренно, тепло. Сергей Сергеевич, как всегда, подтянут, свеж, чисто выбрит и одет в костюмчик замшелого советского интеллигента, пахнущий табаком и ядреной туалетной водичкой. Мы давненько не виделись, поэтому, встретив в дверях, он по-отечески обнял, усадил на удобный диванчик, угостил рюмкой коньяка и отличным кофе. Потом интересовался здоровьем, настроением, осторожно выспрашивал о планах на ближайшее будущее. Не мудрено интересоваться настроением и планами – несколько лет назад под ударом безжалостных реформ силовых структур пал Особый отряд боевых пловцов «Фрегат-22». Шеф переживал эту несправедливость не меньше нашего, так как лично принимал участие в создании легендарного «Фрегата», однако помочь ничем не мог – решения принимались на самом верху. И вот теперь, разыскав меня, пригласил на Большую Лубянку в дом 1/3. Понятно, что пригласил не ради коньяка и пары чашек кофе. Посему я поддерживаю вялотекущую беседу «ни о чем» и жду, когда Горчаков перейдет к главному. По давней привычке он много курит, при обсуждении наболевшего нервничает – часто вскакивает с кресла и взволнованно расхаживает вдоль шкафов и сейфов.

– ... К большому сожалению, Евгений, нас с тобой угораздило жить в такое время, когда книга стоит дороже бутылки водки, а молоко дороже пива. Когда приглашение Деда Мороза обходится дороже вызова проститутки, а ежедневный рацион полицейской собаки превышает ежемесячное пособие на ребенка. Когда развозчики пиццы и суши приезжают быстрее «Скорой помощи» и полиции. Когда за кражу сырка в супермаркете человек отправляется на реальную зону, а за разворовывание государственной казны – увольняется с поста и преспокойно уезжает тратить наворованное за границу...

Шефа несло. Как я и предвидел, наш разговор начался с таких розовых далей, что не долететь, не доехать. Политик из меня никудышный: в партиях не состою, на демонстрациях флагами-плакатами не размахиваю. Хотя нет. Родину по элементам таблицы Менделеева не распродал, а это по нынешним меркам уже много.

– ... Вся беда в том, что современной Россией управляют случайные люди, – распалется старик. – Финансами занимаются те, кто хранит деньги за рубежом, образованием – те, у кого дети учатся в Гарварде, здравоохранением заправляют функционеры, которые сами лечатся за границей...

Босс редко приступает к главному, не облив гневным сарказмом политику, криминал и прочий мусор. Приходится внимать.

– ... Огромный ледокол достиг Северного полюса с олимпийским факелом. Не жалко им тратить бешеные деньги на посредственный спектакль? Ну, что же это такое?! На полюс, в космос, под воду... Страна дешевых абстрактных символов.

– Дураки, дороги и что там у нас еще? – лениво поддерживаю разговор, дабы не заснуть.

– Проблема, Евгений, не в «плохих дорогах» и не в правящем режиме. Просто в этой стране не будет счастья, пока богатство лениво выкапывают из земли под абсолютным контролем тех, кто присваивает выкопанное. Не будет здесь ни «инноваций», ни созидательного труда. При социализме беззастенчивое присваивание было невозможно. Теперь социализма нет и возродиться ему не дадут. Ничего же нового, кроме мракобесия и псевдоидеологического плацебо, сугубо для народного употребления, власть придумать не в состоянии. Люди пачками бегут из России в те страны, где можно работать и представлять собой хоть что-то человеческое. А в родной стране остается только три варианта: обирать народ, быть обираемым или просто тихо умирать.

– Да, Сергей Сергеевич, про коммунизм нам ввали, а все то, что рассказывали про капитализм, оказалось сущей правдой, – вздохнув, морщусь от едкого табачного дыма.

Пора бы перейти к делу, иначе его вступительная речь затянется до позднего вечера. Решаю слегка пошутить:

– Помните, вы мне говорили: не читай, Женя, книг, и умрешь счастливым.

– Разве я такое говорил? – опешил генерал.

– Говорили. Кстати, вы прослушки не боитесь?

– Брось! – в сердцах отмахивается он. – Распихивать жучки по кабинетам – давно стало моветоном. Гораздо проще заплатить денег сотруднику, который с радостью сдаст кого угодно. Ты-то, надеюсь, не переметнулся?

– Я?!

– Верю-верю, – смеется Горчаков. Затем, таинственно сверкнув очками, подводит разговор к той грани, за которой и начинается главное: – Ты ведь догадываешься, Евгений, что просто так я беспокоить не стал бы?

– Догадываюсь – не первый год вас знаю.

– Тогда запасись терпением... – подойдя к окну, раскуривает он очередную сигарету. – Ты когда-нибудь слышал об операции «Цунами»?

– Нет, – с недоумением качаю головой.

– А о первой подводной лодке третьего поколения, принятой Советским флотом в 1984 году?

– Да, в курсе. Если не ошибаюсь, 945-й проект?

– В точку. Знаком с ним?

– В общих чертах. Видел стоящей у «стенки», спускался внутрь, но ходить на таких не доводилось – в училище стажировался на более древних.

– Сколько их было построено, знаешь?

– Кажется, два корабля. К-239 и К-276.

– А вот теперь ошибочка. До названных тобой кораблей был построен головной, не вошедший в официальный список.

Я растерянно гляжу на бывшего шефа. Что за бред? Как могло случиться, чтобы головной корабль не вошел в списочный состав флота?

– Сразу после успешных ходовых испытаний головному кораблю присвоили название «Барракуда» и в срочном порядке снарядили для выполнения сверхсекретного задания, – поясняет он, приметив мое удивление.

Что-то моего сухопутного босса потянуло на флотские темы. Не к добру. Знаете, на теле рыб есть хитрая штука – «латеральная линия», состоящая из рецепторов, определяющих малейшее изменение в давлении и температуре воды, а также в направлении течения. Хищные рыбы используют этот орган для слежения за добычей. Так вот на теле моего шефа тоже имеется такое приспособление – с его помощью он охотится за подчиненными. И за мной в том числе.

Приходится признать:

– Нет, об этом я точно не слышал.

– Немудрено, – усмехается он. – Подготовка и сама операция были настолько засекречены, что в суть посвятили единицы. Так сказать, самых-самых.

– Так что же случилось с «Барракудой»?

Покашляв в кулак, старик кривится:

– Об этом позже. А сейчас ответь мне на один вопрос: ты что-нибудь слышал об идее минирования Атлантического и Тихоокеанского побережий США нашими ядерными зарядами?

– Да, что-то читал. Кажется, автором этой идеи был академик Сахаров?

– Все верно: идея с довольно длинной бородой. По одной версии она принадлежит академику Лаврентьеву; по другой ее озвучил в конце пятидесятых годов Андрей Дмитриевич Сахаров. Дабы нашей стране не разориться из-за развязанной американцами гонки вооружения, он предложил тайно разместить в шельфовой северо-американской зоне с десятков зарядов мощностью по сто мегатонн.

– Ого! – качаю головой. – Зачем же так нескромно?

– Согласен, сто мегатонн – это сверх всякой меры. По самым скромным подсчетам десятков подобных зарядов унес бы жизни полмиллиарда людей. К слову, предложение Сахарова повергло в шок даже самого Хрущева, и об этой кровожадной идее забыли на два десятка лет. А в начале восьмидесятых – когда гонка вооружений изрядно вымотала Советский Союз – внезапно вспомнили и решили воплотить в реальность.

В моей голове из обрывков беседы начинает складываться цельная картинка.

– Этим и занимался головной корабль проекта 945?

– Совершенно верно. Если помнишь, два носовых торпедных аппарата в данном проекте имели увеличенный диаметр 650 миллиметров. Вот под них-то наши ученые умельцы и создали шесть специальных зарядов. Затем их тайно разместили в носовом отсеке, а командиру экипажа поставили задачу пересечь Атлантику и сбросить заряды в установленных точках, расположенных вдоль Атлантического побережья США.

Услышав эти слова, я хотел было поинтересоваться, как сильно Горчаков злоупотребил спиртным накануне. Но по этическим соображениям пришлось промолчать – как ни крути, а я гожусь ему в сыновья.

– Обалдеть, – на секунду прикрыв глаза, представляю чудовищную картину гибели целого континента.

Генерал морщится:

– Я не оправдываю тех, кто отправил «Барракуду» к берегам США, но мощность зарядов была ограничена одной мегатонной. Ученые посчитали, что подобных зарядов вполне достаточно для разрушения инфраструктуры крупнейших прибрежных городов, портов и военных баз.

Моим главным юношеским заблуждением была твердая вера в то, что идиоты с возрастом умнеют. Как же я ошибался! Первая часть нашей долгой беседы заставила сделать однозначный вывод: идиот – это на всю жизнь. Именно такой была моя реакция на известие об установке шести ядерных зарядов вдоль Атлантического побережья Соединенных Штатов. Ну вот как можно было додуматься своей «фуражкой» до такого варварского решения? Действительно, вокруг Советского Союза долгое время существовали американские военные базы с ядерными боеголовками и носителями оных. Но в случае потепления отношений между нашими странами весь этот арсенал возвращается восвояси вследствие обычного приказа. А как прикажете отыскать в океане и эвакуировать оставленные нами смертоносные заряды?

Именно этой проблеме Горчаков и посвятил вторую часть нашей встречи. Первая же произвела на меня весьма угнетающее действие. Да, я родился и вырос во времена Советского Союза и исправно впитывал ненависть к вероятному противнику – Соединенным Штатам Америки. Однако эта ненависть носила некий абстрактный характер и отнюдь не распространялась на весь капиталистический мир и конкретно на американский народ. Мне не были симпатичны их президенты, я не любил стервятников-русофобов из конгресса, плевался на антисоветские «шедевры» Голливуда. А вместе с тем интуитивно догадывался о простой вещи: в пределах другого полушария проживают точно такие же, как в СССР, люди – с теми же недостатками и с похожими достоинствами.

– Сергей Сергеевич, если не ошибаюсь, вы нашли меня не для того, чтобы рассказать очередную страшилку на сон грядущий?

Видя, что «аудитория» проявляет рассеянный интерес, старик потянулся за сигаретами.

– Все верно, Женя. Я знаю тебя как облупленного, но и ты за время нашей совместной службы успел изучить мои повадки. Ладно, хватит лирики. Переходим к делу.

«Наконец-то», – мысленно вздохнул я.

Глава 7

Атлантический океан; Саргассово море; борт подводной лодки сверхмалого класса «Барракуда». Настоящее время

Минуло еще десять дней и ночей похода. Десять скучных и однообразных суток, похожих друг на друга, словно новобранцы в парадном строю. Что случилось за прошедшее время? Ровным счетом ничего. Обезумевший кит больше не появлялся. Встречные суда проходили настолько далеко, что система безопасного расхождения ни разу не побеспокоила. Четырежды перед уходом на глубину я поднимал телескопическую трубу и вентилировал отсеки, а заодно закачивал воздух в систему высокого давления. Несколько раз помылся в душе и выпил три банки пива. Вот, пожалуй, и все. Ах, да, чуть не забыл! Последние пять суток «Барракуда» идет со скоростью два с половиной узла. В этом режиме главный электродвигатель моей субмарины работает настолько тихо, что я практически его не слышу. Что уж говорить о постах SSUS – Системы подводной разведки и наблюдения? Какими бы совершенными ни были американские гидрофоны – услышать все и вся они не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.